

18+

ПОСЛЕДНЕЕ
ДЕЖУРСТВО

Александр Шалабодов

Александр Шалабодов
Последнее дежурство

«Издательские решения»

Шалабодов А.

Последнее дежурство / А. Шалабодов — «Издательские решения»,

«Последнее дежурство» — рассказ не о войне, а о человеке, который всю жизнь стоял между двумя мирами и так и не успел выбрать ни один из них.

Последнее дежурство

Александр Шалабодов

Посвящается военнослужащим СПРН и их семьям — тем, кто охраняет покой нашей Родины, и тем, кто ждёт их возвращения.

© Александр Шалабодов, 2026

ISBN 978-5-0070-2577-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Он проснулся в четыре дня, как просыпался всегда перед ночной сменой — не от будильника, а от тишины. Слишком плотной, слишком намеренной. Та тишина, которую взрослые устраивают нарочно, когда в доме спит кто-то, кому нужно выспаться.

Кирилл лежал, глядя в потолок. Серый прямоугольник с желтоватым пятном у карниза — следствие прошлогодней протечки, которую он так и не зашпаклевал. Как карниз на кухне. Как снег у гаража. Как разговор с Аней, который он откладывал уже, наверное, год.

За стеной приглушённо переговаривались дети. Аня их придерживала — он слышал её голос, низкий, чуть усталый: «тише, папа спит». И снова тишина. Он повернулся на бок, посмотрел на вмятину на соседней подушке. Аня встала давно, ещё когда он только засыпал после предыдущей смены. Он уже не помнил, когда они просыпались одновременно.

Он встал, прошёл в ванную, умылся холодной водой. В зеркале смотрел незнакомый человек — с синевой под глазами и морщиной между бровями, которая в последние годы перестала разглаживаться даже во сне. Сорок два года. Майор. Муж. Отец. Всё это было правдой, но как-то не одновременно.

Шесть часов вечера, а за окном уже ночь. Такая ночь, какая бывает только на Крайнем Севере в середине зимы — густая, бархатная, абсолютная. Она не начиналась — она просто была всегда, с тех пор как Кирилл проснулся. Стекло на кухне покрыто морозным узором, сквозь который тускло светят жёлтые квадраты окон в панельках напротив.

Кирилл стоял у раковины, методично намыливая тарелку от макарон по-флотски. Вода была горячей, почти обжигающей, но тепло до костей не доходило. Из комнаты доносился ровный гул мультфильмов — весёлый, назойливый гимн беззаботности. Маша и Игорь уже отгуляли свои выходные с папой: два часа утром, пока он пытался не заснуть за настолкой и чтением вслух. Теперь они жили своей, детской жизнью, отдельной от его вечного смещённого графика.

За его спиной скрипнул стул. Аня допивала чай, отложив в сторону телефон. Тишина между ними была некомфортной, натянутой.

— Десятая подряд? — спросила она, не глядя на него. Голос ровный, без упрёка. Что хуже всего. Упрёк ещё можно было бы отразить, поспорить. Это — констатация. Приговор.

— Да. — Кирилл сполоснул тарелку. — Крайняя. Завтра выходной. Обещаю.

Он почувствовал, а не увидел, как она усмехнулась. Короткий, безрадостный звук.

— Обещал в прошлый раз помочь с домашними делами. А карниз на кухню уже две недели в углу стоит. Думаю уже сама повесить.

— Я знаю. Завтра. — Он поставил тарелку на сушилку и вытер руки. — Обещаю.

Он обернулся. Аня смотрела на него. В её глазах была усталость. Не от бессонных ночей. Она была красивой, его Аня. Но в последние годы эту красоту словно придавило той же серой гарнизонной тяжестью, что и всё вокруг.

— Твои обещания у нас дома давно котируются ниже доллара Зимбабве, — сказала она тихо, но отчётливо. Не со зла. Просто как факт.

Он подошёл, хотел обнять её за плечи, но она инстинктивно, почти незаметно отвела локоть, потянувшись за чашкой. Его рука повисла в воздухе. Он опустил её.

— Извини, — пробормотал он.

— Ничего, — вздохнула Аня, вставая. — Иди уже. Не опаздывай на свой «день сурка».

Она прошла мимо него, и на секунду он уловил знакомый запах её шампуня — яблоко и корица. Запах дома, тепла, другой жизни. Запах, который всегда выветривался за первые пятнадцать минут в казарменном воздухе, пропитанном хлоркой и тоской.

В комнате детей он появился в дверях, не входя, как всегда — будто посетитель, не уверенный, что его ждут.

Маша, укутанная в плед, что-то рисовала, поглядывая на телевизор. Игорь скакал по дивану, изображая какого-то персонажа с плащом из наволочки на плечах.

— Я ухожу, — сказал Кирилл.

— Пока-пока, пап! — бросила Маша, не отрываясь от фломастеров.

Игорь остановился, наволочка съехала с плеча. Посмотрел на отца серьёзно, без улыбки — тем взглядом, который у пятилетних детей бывает пронзительнее, чем у взрослых.

— Пап, а ты завтра с нами поиграешь? Не вечером, а прямо с утра?

— С утра, — сказал Кирилл. — Обязательно. Обещаю.

— Ты всегда так говоришь.

Это прозвучало без упрёка. Просто как наблюдение. Пятилетнее, безжалостно точное наблюдение.

— Я знаю, — сказал Кирилл. — Но завтра — правда.

Игорь помолчал секунду, потом кивнул — с видом человека, который принимает аргумент, не вполне в него веря. Прыгнул обратно на диван, наволочка снова превратилась в плащ.

Кирилл подошёл, поцеловал Машу в макушку — она рассеянно подняла голову, улыбнулась и снова уткнулась в рисунок. Потрепал Игоря по волосам. Они были тёплыми, живыми, настоящими. Единственное, что в этой жизни не было частью системы, графика, долга.

В прихожей он уже натягивал шапку, когда Аня вышла, держа в руках его термос.

— Я приготовила кофе, как ты любишь. С мёдом вместо сахара.

Он взял термос. Их пальцы соприкоснулись на секунду.

— Спасибо, — сказал он, глядя ей в глаза. Он хотел сказать что-то важное. Что любит её. Что ценит. Что всё это не зря. Но слова застряли комом в горле, привыкшем отдавать команды и произносить доклады. Вышло только: — Не жди к завтраку. В девять только смена закончится.

— Я и не жду, — ответила она и поправила ему воротник бушлата. Автоматический жест, отработанный годами. — Береги себя там.

Он кивнул, засунул термос в противогазную сумку и вышел на площадку, придерживая дверь ногой. В последнюю секунду обернулся — запрет, плохая примета, он знал. Но обернулся всё равно. Аня уже шла на кухню. Спина у неё была очень прямая и беззащитная.

Дверь захлопнулась с глухим, окончательным звуком.

Мороз ударил в лицо сразу, без предупреждения, обжигая лёгкие. Воздух был таким холодным, что, казалось, звенел. Кирилл сделал первый шаг по утоптанной тропинке к воротам, его берцы скрипели на слежавшемся снегу.

За спиной горели окна его квартиры на четвёртом этаже — два жёлтых квадрата в темноте. Островок. Который он снова покидал.

Он не обернулся второй раз. Один раз уже нарушил правило. Закинул сумку с противогазом за спину, сунул руки в карманы и зашагал прочь, растворяясь в северной ночи, которая принимала его обратно, как принимала всегда — без радости, без сожалений. Просто потому, что его место было здесь. На тропинке. Между домом и частью. В вечном переходе из одной жизни в другую.

От ворот жилого городка до КПП части было ровно девятьсот пятьдесят шагов. Кирилл не считал — его ноги отмеряли расстояние сами, как счётчик, намотавший этот маршрут столько раз, что уже не нуждался в сознательном участии хозяина. Ноги шли, а голова осталась там — у двери, которая захлопнулась с глухим, окончательным звуком.

Он миновал последнюю панельную пятиэтажку. Детская площадка между домами — качели с примёрзшими цепями, горка в намёрзшем снегу, присыпанный сугроб поверх песочницы. Летом здесь визжали дети. Сейчас — никого. Только фонарь качался над пустым двором, и тень от него ходила туда-сюда по снегу, как маятник.

Кирилл уткнулся в высокий бетонный забор с колючей проволокой. Здесь была граница. Он пересекал её каждый раз, и каждый раз она обозначала одно и то же: с одной стороны — жизнь, пусть и тусклая, с запахом яблочного шампуня и примёрзшими качелями. С другой — территория с другим временем, другим воздухом и другими законами.

КПП представлял собой бетонную коробку с остеклённой будкой. В окне, за бронестеклом, виделось лицо дежурного — молодое, безусое, с той характерной мутностью во взгляде, которая появляется после нескольких нарядов подряд. Кирилл приблизился к турникету, приложил пропуск. Электронная плата чиркнула, загорелась зелёная лампочка, турникет с глухим лязгом отпустил его. Он прошёл, выполнив воинское приветствие. Солдат за стеклом ответил тем же — автоматически, не меняя выражения лица. Ни тот ни другой не сказали ни слова. В этом не было необходимости.

Территория части жила своей, бодрствующей ночной жизнью под ослепительным светом прожекторов. Двое солдат чистили снег, выравнивая сугробы в строгие прямоугольные формы — в армии всё должно быть параллельно и перпендикулярно, даже снег. Один из них поднял голову, когда Кирилл проходил мимо, и снова опустил — не из равнодушия, просто лишний офицер вечером был явлением обычным, не требующим реакции. Воздух, густой от мороза, пах выхлопом и соляжкой — дежурная машина уже стояла у штаба и прогревалась, выпуская ровные клубы пара в неподвижный воздух.

Он свернул к одноэтажному кирпичному зданию штаба. Над дверью горела тусклая лампа в железном плафоне, на её свет налип снег, и конус света получался рябым, неровным. Кирилл толкнул тяжёлую дверь, ступил в тамбур.

Тепло ударило сразу. После уличного мороза оно казалось почти физически плотным, как вата. Он постучал ногами, скинул шапку, отряхнул снег с плеч. Из-за двери с табличкой «Дежурный по части» доносился приглушённый голос телевизионного диктора — что-то про погоду, монотонно и равнодушно. Кирилл постучал и вошёл, не дожидаясь ответа. Так было принято.

Комната была маленькой, заставленной шкафами и стеллажами с папками. Воздух здесь был спёртым — кофе, бумага, чужой табак, вьёвшийся в обивку стула. За столом, заваленным

бумагами, телефонами и пустой кружкой, сидел капитан Гуров. Он выглядел так, как выглядит человек, которого не менее пяти часов держат за столом против его воли — осевший, с красными веками, с взъерошенными волосами на затылке. Телевизор в углу показывал что-то беззвучное. Кажется, прогноз погоды. Или рекламу. Разницы не было.

— А, Семёнов, — хрипловато пробасил Гуров, с трудом отрываясь от какого-то рапорта.
— Жду-не дождусь.

— Какая уже ночь у тебя? — спросил Кирилл, вешая бушлат на вешалку.

— Третья. — Гуров потёр лицо ладонью. — А у тебя?

— Десятая.

Гуров посмотрел на него с выражением, которое в другое время могло бы быть уважением, а сейчас было просто усталостью, узнающей усталость.

— Ну, герой, — сказал он без иронии. — Возьми с собой документы на гору.

Он поднялся, кряхтя прошёл в соседнее помещение — комнату хранения оружия — и вернулся с потрёпанной книгой в чёрном переплёте. «Книга выдачи оружия и боеприпасов» — буквы на обложке были продавлены, обтёрты до серого, но читались. Потом Гуров открыл сейф — с негромким, деловым металлическим звуком — покопался внутри и выложил на стол перед Кириллом пистолет Макарова, кобуру и пластиковую соту с патронами. Всё это легло с привычным стуком, как инструменты, разложенные на хирургическом столе.

— Пистолет, кобура, два магазина. патронов шестнадцать штук. Проверь.

Кирилл взял пистолет. Металл был ледяным — не просто холодным, а именно ледяным, будто из другого пространства, где температура другая. Он отщёлкнул магазин — пустой. Оттянул затвор, заглянул в патронник — пусто. Осмотрел ствол на свет лампы — чистый, с едва заметной плёнкой смазки. Сделал контрольный спуск в пулеулавливатель — сухой, точный щелчок. Всё, как всегда. Положил пистолет на стол.

Затем взял соту с патронами. Пластик был холодным и гладким. Он высыпал патроны на ладонь. Шестнадцать штук — латунные гильзы тускло блестели в жёлтом свете лампы, маленькие и аккуратные, как зубы хищника. Он один за другим, с тихими щелчками, вталкивал их в магазин. Патроны входили туго, с ощутимым сопротивлением пружины. Первый, второй, третий. Щелчок, щелчок, щелчок. Каждый звук был отголоском тысяч таких же щелчков за двадцать лет службы. Первый магазин снаряжён — восемь патронов, ровный тяжёлый ряд в стальном корпусе.

Второй магазин. То же самое. Только теперь Кирилл делал это медленнее — то ли пальцы ещё не отошли от холода, то ли просто не торопился. Восемь щелчков. Готово.

Он вставил один снаряжённый магазин в рукоятку — до сухого, уверенного щелчка, который всегда означал одно: заряжено. Второй убрал в карман на кобуре. Надел кобуру на поясной ремень, защёлкнул.

Тяжесть у бедра стала не просто физической — статусной. Печатью. За все десять дежурств подряд он ни разу не вытащил этот пистолет из кобуры. Носил, как носят, как положено по уставу. Оружие без применения, символ полномочий, которые, слава богу, ни разу не понадобились. Гуров наблюдал за ритуалом молча, с видом человека, видевшего это тысячи раз и не намеревающегося видеть ни разу меньше.

Кирилл расписался в графе «принял». Подпись вышла угловатой — пальцы ещё не до конца отогрелись, и ручка ходила чуть деревянно.

— С Богом, — сказал Гуров, закрывая сейф. Не официально — просто.

— Постараемся, — бросил Кирилл и вышел.

В коридоре он на ходу натянул перчатки, поправил противогазную сумку. Остановился на секунду у окна — наружу, в прожекторный свет. Двое солдат всё ещё ровняли снег. Лопаты двигались мерно, одинаково, как метроном. Кирилл смотрел на них несколько секунд, не думая ни о чём конкретном.

Он вышел в ночь.

Комната для подготовки дежурных смен была наполнена сладковатым химическим паром. Пахло не табаком — ароматизаторами «дынной дыни» и «ледяной мяты» от электронных сигарет. Кирилл, войдя, поморщился. Вентиляция гудела, но не справлялась. Под потолком клубились сизые облачка, рассеивая жёлтый свет плафона.

— Кто тут курил? — спросил он, не скрывая раздражения. Голос был ровным, но в нём вибрировала усталая сталь. — Напомнить, что это помещение для подготовки, а не кальянная? Предупреждаю в последний раз. Следующий — получит выговор и пойдёт пешком. Всё.

В комнате повисла тишина, нарушаемая только гулом вентиляции.

Капитан Егоров, дежурный инженер, сидел за столом и не торопился изображать раскаяние. Он убрал в карман продолговатый девайс с мигающим синим огоньком — спокойно, без суеты — и кивнул:

— Виноват, товарищ майор. От скуки.

Его помощник, старший лейтенант Смирнов, среагировал иначе: побледнел и резко сунул свою сигарету в бардачок сумки, будто прятал улику. Водитель Петрович — классик, с простой «Примой» — стоял у приоткрытой форточки и хмыкнул в усы, но окурочок швырнул в снег не споря.

Кирилл окинул комнату взглядом. Пятеро, считая его. Завтра здесь будет другая смена, другие лица с теми же руками, теми же сумками, той же усталостью в глазах ещё до начала дежурства.

— Документы, удостоверения, пропуска. Противогазы.

Все похлопали по карманам, достали корочки. Сумки через плечо — на месте. Он бегло окинул взглядом Егорова — тот был спокоен, почти невозмутим, с лёгким прищуром человека, которому давно не нужно доказывать, что он готов. *Умник*, — подумал Кирилл без злости. *Лучшего инженера нет во всём соединении. Жалко, что знает об этом.* Со Смирновым было сложнее — старательный, но нервный, из тех, кто готовится лучше всех, а в нужный момент забывает, зачем готовился.

— По машинам.

КамаЗ ждал у крыльца. Внутри вагончика пахло пластмассой, старыми ковриками и тем же едким дынным паром — он, казалось, вьелся в обивку сидений намертво и никаким проветриванием оттуда уже не вышибешь.

Петрович, мрачный, как показание прибора в нерабочем состоянии, устроился за рулём. Рядом с ним сел Егоров. Остальные зашли в вагончик. Кирилл — последним, закрыл дверь, щёлкнул фиксатором.

Внутри было тесно, но относительно тепло. Жёсткие диваны по бокам, маленький столик посередине, привинченный к полу — правильное решение, Кирилл убедился в этом три года назад, когда незакреплённый стол съехал на повороте и приложил Смирнова предшественника по колену. Тот смену отработал, но потом неделю хромал.

Смирнов-нынешний сразу достал домино.

— Ну что, Алексей Иваныч, утешимся классикой? — обратился он к Панову, связисту, немолодому прапорщику с руками, привыкшими к паяльнику.

— Да вы меня уже сколько раз подряд обыгрываете, — вздохнул Панов, но сел напротив.

— Значит, есть куда расти, — невозмутимо ответил Смирнов и начал тасовать костяшки с сухим стуком.

Игра началась. Ходы делались вдумчиво, руки придерживали костяшки от вибрации на ходу. Это была не игра — процедура. Способ заполнить время перехода, пока мозг перестраивается с одного режима на другой. Кирилл откинулся на спинку, смотрел на них.

Свет в вагончике был тусклым, желтоватым, и он выхватывал из полумрака знакомые лица. Кирилл знал о каждом то, что люди обычно не рассказывают вслух. Что у Егорова в прошлом году умерла мать — он взял три дня, вернулся, ни о чём не говорил, работал как всегда, только стал чуть тише. Что Смирнов платит алименты бывшей жене и каждый раз перед командировкой проверяет, не сменила ли она номер телефона — боится, что однажды трубку не возьмут, а значит, дочь уже уехала. Что Петрович, этот угрюмый камень за рулём, каждый вечер звонит своей дочери в университет и произносит одно и то же: «Держись, доча». Больше ничего. Но звонит каждый день.

Он знал их лучше, чем братьев. И устал от них так же, как устают от братьев — не от злости, а от бесконечной близости, от которой никуда не деться.

КамАЗ тронулся, вагончик закачался, костяшки поползли. Смирнов придержал их ладонью.

За окном, в крошечной тьме, медленно поплыли назад освещённые квадраты казарменных окон. Потом — чёрный силуэт ограды с колючкой. Потом дорога пошла в лес, и стало темнее. Только стена деревьев по обеим обочинам, да редкие фонари над дорогой — одинокие, далеко друг от друга, как слова в телеграмме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.